

скорее, средство обеспечения соблюдения принципа взаимности и других принципов и норм международного права.

Авторы утверждают, что “международный обычай и договор — основные формы реализации консульских норм” (с. 69). Но, очевидно, речь здесь должна идти не о “реализации”, а о выражении норм консульского права в форме международного договора или обычая.

По-видимому требует изменения и редакция определения международного обычая. Авторы утверждают, что “под международной обычной нормой понимается правило, сложившееся в результате длительного применения между всеми или несколькими государствами, не закрепленное в международном договоре” (с. 69). Но если такое правило соблюдают на практике только “несколько” государств, это еще не доказывает существования международного обычая, поскольку наряду с длительностью применения важнейшим критерием того, что обычай уже сложился, является всеобщность применения соответствующего правила, то есть применение его большинством государств, а отнюдь не несколькими из них.

Решение вопроса о том, принять или не принять высказанные рекомендации полностью оставляется на усмотрение авторов.

Сделанные замечания отнюдь не снижают общего весьма высокого научно-теоретического уровня учебника. Он несомненно вызовет интерес читателей и будет полезным для всех, кто интересуется вопросами консульского права и консульской службы.

Б.В. Ганюшкин,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1992 г.

Рецензия поступила в редакцию в мае 2000 года.

КРИТИКА КРИТИКЕ РОЗНЬ

(Шерпаев В.И. Моральный дух российской армии. Министерство общего и профессионального образования РФ; Уральская государственная юридическая академия. — Екатеринбург, 1999. — 182 с.)

Критика критике рознь. Это, знаю, весьма простое рассуждение, поневоле пришло мне в голову при знакомстве с рецензией Д.А. Некрасова в “Московском журнале международного права” (№ 1 сего года, стр. 184—191) на монографию В.И. Шерпаева. Нет, после прелестей нынешнего “черного пиара” всевозможных избирательных кампаний, ерничанье и довольно-таки глумливый тон рецензента вряд ли поразят чем-то особенным, тем более, что под занавес критик допускает “возможность незаслуженной резкости” с его стороны. В

отзыве нашего критика В.И. Шерпаеву ставится в вину многое: и служба политработником в Советской Армии, и учеба в Военно-политической академии имени (обратите особое внимание!) В.И. Ленина, и членство в ЦК белорусского комсомола. Книга же Шерпаева, по мнению рецензента, смахивает на идеологический проект оболванивания курсантов (видимо, военных училищ, хотя откуда это взял Д.А. Некрасов — уму непостижимо!) в духе великодержавного шовинизма и ура-патриотизма. Словом, люди будьте бдительны: вот вам “веймарская Россия”, а вот идеолог реакционной военщины Шерпаев В.И., и, кстати, полковник запаса.

Жанр рецензии не позволяет высказаться по существу всех проблем, поставленных в монографии В.И. Шерпаева.

Правы были древние — самое сложное в этом мире понять самые простые вещи. В данном контексте к их числу относятся следующие:

— никакого “конца истории” не произошло; глобальные геополитические изменения, произошедшие в мире за последний десяток с небольшим лет (крах СССР и системы мирового социализма, ядерные испытания в Индии и Пакистане, операции НАТО на Балканах, исламский фундаментализм и многое другое) не только не ослабили напряженность во взаимоотношениях государств мирового сообщества, но вызвали к жизни новые очаги угрозы и военных конфликтов (см. Хантингтона и не верьте Фукуяме);

— из содержания доклада Президента США Конгрессу в 1998 г. о приоритетах и направлениях деятельности американского правительства в сфере национальной безопасности следует, что в нынешнем “однополюсном” мире нет такой территории, которая бы не входила в сферу жизненных интересов Соединенных Штатов, нет такого повода, который бы не позволил им применить вооруженные силы;

— в этом мире, как и раньше, субъекты истории — государства, борются за лидерство или, как минимум, за паритет в экономических, политических и т.д. отношениях, а армия выступает в роли важнейшего и первостепенного инструмента этой борьбы;

— специфика российской государственности — в ее неразрывной связи с армией и ее офицерским корпусом, как в положительных, так и отрицательных моментах. Кризис армии всегда вызывал потрясения государства, нравственное нездоровье общества губительно сказывалось на духе воинов и боеспособности войск;

— наконец, совсем уж простое: “Народ, который не кормит свою армию, обречен кормить чужую”.

Все эти на мой взгляд, чрезвычайно злободневные, жизненно важные сюжеты, как и многие другие, не менее значимые, вошли в содержание исследования В.И. Шерпаева.

Серьезные исследования, посвященные проблемам современной российской армии, сегодня можно перечесать по пальцам; между тем отсутствие официальной концепции реформирования российской армии можно смело связывать и с дефицитом глубокой теоретической проработки направлений и форм подобной трансформации. Вот почему книга офицера, ученого и педагога не может не вызвать интереса широкого круга общест-

воведов и материалами, на которых она построена, и самой постановкой проблем и, естественно, теоретическими и практическими выводами и рекомендациями по строительству новой российской армии.

Далеко не все в рецензируемой книге получилось одинаково удачно и оригинально. Чем ближе автор к проблемам, которые знает не понаслышке, тем обоснованнее и деловитее его выводы, чем больше он прибегает к общей аргументации мировоззренческого характера, тем уязвимее становится для приклеивания идеологических ярлыков.

Лаконично, но емко проведен историко-философский обзор эволюции представлений о природе и роли морального духа воина и полководца — в зависимости от культурно-исторического контекста, характера общественных отношений, места армии в государстве. Этот анализ позволяет выявить само существо категории “морального духа” армии и системы взаимосвязанных с ним понятий. Представляется удачным и перспективным для дальнейшего развития определение духовно-нравственного потенциала армии как “совокупности” (почему не системы? — Е.Ю.) высших воинских ценностей и соответствующих чувств: моральных норм и нравственных качеств, в которых выражаются готовность и способность воина (воинского коллектива) выполнять задачу по вооруженной защите Отечества (с. 46). Отсюда логично видеть в моральном духе армии реализацию духовно-нравственного потенциала в конкретно-исторических условиях, сплавленное единство духовного и поведенческого, сознательного и бессознательного, рационального и эмоционального в ратном труде. Сущность морального духа закономерно выражается в таких его функциях как **организационно-воспитательная**, созидающая единую волю воинских подразделений; **ориентационно-оценочная**, формирующая убеждения и личностные смыслы; **регулятивно-управляющая**, соединяющая в единое нравственное целое личность и государство на основе сознательного индивидуального выбора. Выделение этих функций позволяет автору в дальнейшем изложении перекладывать философско-политологические выводы на язык точных социально-психологических и социологических измерений, использования различных методик и техник воспитательной работы, организации работы с личным составом.

Кстати, я бы на месте автора не соглашался, а поспорил с теми исследователями, которые стремятся уйти от идеологизации понятия “моральный дух”. Отсутствие официальной государственной идеологии и препятствует становлению морального духа армии, не говоря уже о разрушении самих основ государственности. Наверное, поэтому в Чечне воины российской армии скорее мстят за погибших друзей, чем “восстанавливают конституционный порядок”.

И в другом отношении Шерпаев В.И. скорее проходит мимо того, что сулит его концепции плодотворные результаты. Подводя под обоснование концепта “моральный дух” армии прочную философскую традицию, невозможно обойтись без триады “тело”— “душа”— “дух”. отождествление тела и плоти, сделанное мимоходом, разрывает ипостасность тела душе и духу, т.е. их неразрывность при неслиянности. Тогда почему в армии так важны физическая подготовленность бойца, его выносливость и умение

стойко переносить тяжкие испытания, все, что сам автор характеризует как экстремальность и исключительность воинского труда?

Модель воспитательного процесса, предлагаемая автором, в целом действительно вбирает в себя как лучшие исторические традиции российской истории, так и учитывает содержание мирового опыта. Исходя из синтеза деятельностной и управленческой моделей воспитания, и учитывая опыт как отечественной, так и зарубежной армий, В.И. Шерпаев последовательно и кропотливо раскрывает систему формирования и совершенствования духовно-нравственных качеств защитника Отечества. На операциональный уровень точных организационных форм, управленческих решений и воспитательных мероприятий переводятся “сильные” социально-философские и политологические абстракции. Так, например, субъект воспитательного процесса предстает в деятельности психолога полка, офицера по воспитательной работе, службы культурно-досуговой работы; в каждом случае речь ведется о деталях и нюансах, обнаруживающих глубокое знание существа дела офицером-политработником.

В монографии отмечается, что новые армейские органы по работе с личным составом уже заявили о себе как профессиональная структура, способная на уровне современного восприятия проблем воинской службы анализировать ситуацию, давать прогноз ее развития, заниматься профилактикой возможных негативных тенденций. Предложения по совершенствованию подобной деятельности конкретны и продуманны, хотя, признаюсь, пока не будет реформирована Русская православная церковь, все идеи по расширению ее участия в жизни общества будут встречать и скептически, и с тревогой.

Наконец, о роковой для отечественной мысли дилеммы: Россия — Запад. Первопричина, на мой взгляд, в следующем исходном противоречии. Солдат, офицер, полководец всегда, по мнению В.И. Шерпаева, сын своей Родины, национальной истории, культуры, он должен духовно осмысленно защищать ратным трудом жизненно важнейшие интересы своего народа перед лицом внешней агрессии. Но при этом он, в конечном счете, отстаивает и общечеловеческие идеалы и ценности. Вот это — в “конечном счете”, так и остается до конца не проясненным. Теоретически полезно, по моему мнению, помнить про давнюю традицию различения естественной нравственности и позитивной морали. Под естественной нравственностью понимаются такие нормативные универсалии как жизнь, свобода и достоинство человека безотносительно к его социальной, этнической, профессиональной и иной принадлежности. Позитивная же мораль как система норм и ценностей выражает собой именно принадлежность к определенной социальной общности — государству, нации, классу и т.п.

Поскольку в таком виде указанная проблема для В.И. Шерпаева не существует, а сам он озабочен в первую очередь тем, что действительно вызывает к глубинным чувствам офицера российской армии, а именно — развалом и деградацией армии, то легко соскальзывает на проторенную дорогу использования идеологических стереотипов, причем разнородных. То у “нас” православная соборность и аскетическая святость, а у

“них” — меркантильный индивидуализм и черствый прагматизм. То вдруг у “нас” мертвечина тоталитаризма и бюрократизма, а у “них” патриотизм и уважение к армии.

Заканчивая, с особой силой хочу подчеркнуть свое уважение и внимание к рецензируемой работе. Какие бы еще, по чьему-либо мнению, огрехи и неточности, стилистические оплошности она не содержала, исследование Владимира Ивановича Шерпаева, несомненно, творческое и своевременное. Это не только вклад в развитие военной и политологической мысли в нашей стране, это попытка преодолеть немоту и комплексы становящегося российского национального самосознания, увидеть точное, правдивое изображение сегодняшней армии и предложить пути и средства выхода из ее духовно-нравственного кризиса, способствующие в итоге действительному, а не прокламируемому Возрождению России, ее государственности, армии и человека.

Ю.Г. Ершов,
заведующий Кафедрой философии и культурологии Уральской Академии
государственной службы, Академик социальных наук,
доктор философских наук, профессор

Рецензия поступила в редакцию в марте 2000 года.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЫТАРЕЙ

(Рецензия на монографию П.Н. Бирюкова “Взаимодействие органов Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации с зарубежными правоохранительными органами при расследовании налоговых преступлений: правовые вопросы”. — М. — 1999).

В монографии автор анализирует актуальные проблемы взаимодействия российских органов налоговой полиции с зарубежными правоохранительными органами при расследовании налоговых преступлений. Монография предназначена для лиц, имеющих юридическое образование. Хотя работа состоит из семи глав, но при этом автору удается дать широкое представление о таком, сравнительно недавно появившемся в уголовном праве России преступлении, как налоговое.

Автор считает, что современная налоговая система далеко несовершенна и очень непроста, поскольку количество налогов очень велико, способы их начисления и уплаты очень сложны, многочисленны коллизии разноуровневых налоговых норм, и к тому же наблюдается значительный рост налоговых преступлений с